

*Почеревин Евгений Владимирович*

канд. ист. наук, доцент

Бийский филиал им. В.М. Шукшина ФГБОУ ВО «Алтайский  
государственный педагогический университет»

г. Бийск, Алтайский край

**ОРГАНИЗАЦИОННО-ФИНАНСОВЫЕ АСПЕКТЫ РАЗВИТИЯ  
НАЦИОНАЛЬНОГО ОБРАЗОВАНИЯ В СИБИРИ  
(КОНЕЦ XIX – НАЧАЛО XX В.)**

*Аннотация:* в статье рассматриваются организационные модели и механизмы финансирования начального образования коренных народов Сибири в 1860–1917 гг., анализируются многоведомственная структура школьной сети, источники содержания учебных заведений, проблемы обеспечения педагогическими кадрами и учебной литературой, а также влияние социально-экономических условий региона на доступность обучения. Делается вывод о том, что дореволюционная модель национального образования характеризовалась фрагментарностью, зависимостью от церковно-миссионерского, общинного и регионального финансирования, что существенно ограничивало масштаб и устойчивость школьной сети.

*Ключевые слова:* национальное образование, Сибирь, финансирование школ, миссионерские школы, земские сметы.

Проблема становления национального образования в азиатской части Российской империи традиционно рассматривается в контексте культурной интеграции, языковой политики и миссионерской деятельности. Однако организационно-финансовая сторона данного процесса остаётся недостаточно изученной, несмотря на то, что именно экономические и управленческие механизмы определяли реальную доступность школы для коренного населения. Цель данной статьи – комплексно проанализировать организационную структуру и финансовые источники содержания национальных школ в Сибири в период с 1860-х по

1917 г., выявить системные противоречия между декларируемыми принципами просвещения и практикой их реализации.

В работе использованы труды отечественных исследователей: И.М. Санженикова [7], А.Н. Павловой [5], Н.И. Кудирмековой [3], К.И. Султанбаевой [9], О.Г. Ултургашевой и А.Н. Карамчакова [10], М.В. Дорофеева и М.А. Лебедева [1], А.Н. Мохова [4], Н.С. Юрцовского [11], И.Н. Мамкиной [6].

Школьное дело в дореволюционной Сибири характеризовалось выраженной многоведомственностью. На территории Сибири функционировали учебные заведения, подчинённые различным структурам: Министерству народного просвещения (сельско-волостные и министерские училища), Православному синоду (церковно-приходские школы, школы грамоты), Алтайской духовной миссии, казачьим войсковым управлениям, горным заводоуправлениям, а также частные учебные заведения. Так, в Алтайском округе к 1894 г. насчитывалось 38 сельско-волостных, 41 церковно-приходская, 16 школ грамоты, 5 казачьих, 8 горнозаводских и 5 миссионерских школ [9, с. 102–103].

Миссионерские школы, формально находившиеся в ведении духовного ведомства, фактически выступали главными центрами начального образования для алтайцев, шорцев и хакасов. Их деятельность регламентировалась «Правилами о мерах к образованию населяющих Россию инородцев» 1870 г., разработанными при участии Н.И. Ильминского и закрепившими обучение на родном языке, подготовку учителей из числа коренного населения и издание учебной литературы на кириллической основе [5, с. 3–4]. М.В. Дорофеев и М.А. Лебедев считают, что создание сети миссионерских школ было наиболее удачной попыткой решить проблему просвещения народов России [1, с. 75]. Однако на практике организационная автономия миссионерских школ сочеталась с жёсткой идеологической подчинённостью задачам христианизации, что ограничивало их просветительский потенциал.

Важной организационной инновацией конца XIX в. стало создание специализированных педагогических учреждений для подготовки «иностранцев» учителей. Улалинское центральное миссионерское училище (открыто в 1864 г.) и Бийское катехизаторское училище (1883 г.) готовили преподавателей, переводчиков и церковных служителей для алтайцев, шорцев и хакасов. В их учебные программы включались грамматика местных языков, педагогика, дидактика и основы светских дисциплин [7, с. 12–13]. Тем не менее выпускники составляли лишь незначительную часть от общей потребности региона в кадрах.

Ранние свидетельства о включении детей коренных народов в систему образования содержатся в работе Н.С. Юрцовского. При описании состава учащихся Кузнецкого малого народного училища (1794 г.) автор приводит данные: среди учеников числились «дети купцов 7, мещан 18, крестьян 5 и иностранцев 5» [11, с. 47]. Циркуляр иркутского губернатора 1816 года предписывал иностранцам набирать способных молодых людей, знающих русский язык, для подготовки к учительской должности. Однако как отмечает Н.С. Юрцовский, эти начинания натолкнулись на равнодушие губернской администрации и самих обществ, и к 1824 году все сельские приходские училища, открытые среди бурят, были закрыты [11, с. 131–132]. Что касается образованности коренного населения, то по свидетельству ряда авторов, накануне 1917 г. грамотность среди кочевых алтайцев не превышала 2%, среди оседлых – 6% [3, с. 11]. В Хакасии, согласно А.Н. Мохову, 92% населения оставалось неграмотным, [4, с. 102].

Финансовая модель национального образования в Сибири строилась на принципах смешанного финансирования, однако её устойчивость напрямую зависела от экономического положения местного населения и приоритетов государственного бюджета. Можно выделить несколько источников финансирования.

В первую очередь, это государственные и синодальные ассигнования. Министерство народного просвещения выделяло средства преимущественно на

сельские и министерские училища, ориентированные на русское и оседлое население. Синод и епархиальные управления финансировали церковно-приходские школы, но объёмы субсидий были строго регламентированы и не учитывали специфику кочевого быта. Так, по данным К.И. Султанбаевой, с 1887 г. правительство стало отпускать по 30 000 руб. на трёхгодичный курс обучения в церковно-приходских школах [9, с. 103].

Можно выделить миссионерские и благотворительные источники. Например, Алтайская духовная миссия содержала свою школьную сеть за счёт пожертвований, средств от продажи переводной литературы и частичных субсидий от Святейшего Синода. Финансовая устойчивость напрямую зависела от авторитета конкретного миссионера. Так, после смерти протоиерея В.И. Вербицкого (1890 г.) число миссионерских школ и учащихся в них резко сократилось из-за отсутствия централизованного финансирования и доверия со стороны местного населения [9, с. 104]. К рассматриваемой группе примыкают частные и ведомственные инициативы. Горнозаводские школы Алтайского округа управлялись Барнаульским горным училищем и финансировались за счёт казны Кабинета Его Императорского Величества, казацкие – войсковыми капиталами. Частные школы (например, Константиновская школа И.К. Платонова) содержались на средства собственников, но их число было единичным и не влияло на общую статистику охвата [9, с. 103].

Своеобразным казусом является педагогическая деятельность декабристов. В частности братья Беляевы, открыли в Минусинске платную школу, которую посещало до 20 учеников. По предписанию генерал-губернатора школу закрыли, но декабристы продолжили обучать местных жителей путём репетиторства, что способствовало росту грамотности и приобщению населения к российской культуре [10, с. 69].

Губернские и областные органы также принимали участие в финансировании инородческого образования. Так, в проекте тобольской губернской сметы на период 1903–1905 гг. нашли отражение некоторые пожелания местной педагоги-

ческой общественности. В августе 1901 г. в губернии состоялось совещание по вопросам развития народного образования под председательством губернатора А.П. Лаппо-Старженецкого, где признали необходимым открыть 40 новых сельских школ. Для вознаграждения учителей русского языка в инородческих школах предполагалось ежегодно выделять по 800 руб., а на содержание четырёх учителей русского языка в лютеранских школах – по 1000 руб. в год. Однако Министерство просвещения сочло содержание учителей русского языка в инородческих и лютеранских школах политическим вопросом, поэтому было решено этот вопрос оставить на решение государственных, а не местных органов власти [2, л. 560 об. – 561 об.].

В Якутской области финансовые потребности народного образования, представленные в проекте сметы на 1915–1917 гг., распределялись по двум районам. Основной затратной статьёй стали ассигнования на содержание общежитий и пансионатов при инородческих школах – 23632 руб. в год, что составляло около 42% от всех затрат на народное образование в области. Областная администрация пришла к выводу, что дальнейший рост расходов на содержание общежитий не посилен для земской кассы, поэтому решила с 1918 г. прекратить финансирование пансионатов, а в наступающем трёхлетии предложила выделять лишь половину требуемой суммы. Причиной такого решения стал анализ контингента обучающихся, показавший, что большинство учащихся были детьми должностных лиц или торговцев, которые могли самостоятельно обеспечить проживание учеников. Ввиду полного отсутствия ремесленных знаний среди инородцев администрация внесла расход в размере 2100 руб. в год на организацию опытных ремесленных отделений при двух училищах [8, с. 42–48]. Вопрос о том, как на рубеже XIX–XX вв. в Якутской области формировалась сеть учебных заведений, рассмотрен в статье И.Н. Мамкиной. Этот процесс определялся общегосударственными реформами, а ключевыми акторами в развитии просвещения в регионе выступали региональная власть и местное общество [6, с. 69].

Учителя миссионерских и церковно-приходских школ получали жалование, размер которого редко превышал 150–200 руб. в год, что было недостаточно для привлечения квалифицированных кадров из центральных регионов страны. Выпускники Казанской инородческой учительской семинарии и Бийского катехизаторского училища часто направлялись в отдалённые станы, где помимо преподавания выполняли функции псаломщиков, переводчиков и медицинских фельдшеров. Отсутствие системы регулярного повышения квалификации и методического сопровождения снижало эффективность учебного процесса.

А.Н. Мохов приводит характерный пример низкого уровня подготовки учителей в дореволюционной Хакасии: Е. Катанов, работавший учителем в Аскизском училище, «в течение 3-х лет поучился у мещанина Широкова и на этом закончил курс науки», не имея представления ни об учебном плане, ни о программах, ни о методах обучения [4, с. 105]. Такие кадры, по справедливому замечанию автора, «меньше всего интересовало образование и воспитание детей», что напрямую влияло на качество обучения коренного населения.

Тем не менее, именно в дореволюционный период были заложены институциональные основы национального просвещения: создана письменность, подготовлены первые кадры учителей-представителей коренных народов, сформирована сеть начальных училищ, которые в советский период стали базой для введения всеобщего и создания национальных педагогических техникумов [1, с. 76].

Таким образом, в Сибири в конце XIX – начале XX в. становление национального образования сталкивалось с фундаментальными организационно-финансовыми ограничениями. Многоведомственная раздробленность не позволяла выстроить единую стратегию развития национального образования. Каждый тип школ имел собственные нормативы, программы и источники финансирования, что приводило к дублированию функций в оседлых районах и полному отсутствию школ в кочевых улусах. Зависимость от общинного и регионального финансирования в условиях экономической отсталости коренного населения делала школу недоступной для большинства детей.

### *Список литературы*

1. Дорофеев М.В. Особенности процесса формирования педагогического образования на Кузнецкой земле / М.В. Дорофеев, М.А. Лебедев // Вестник Томского государственного университета. – 2013. – №369. – С. 75–77. EDN PZENIP
2. Государственное бюджетное учреждение Тюменской области «Государственный архив в г. Тобольске». – Ф. 152. – Оп. 40. – Д. 224. – Л. 560 об. – 561 об.
3. Кудирмекова Н.И. Становление и развитие алтайской национальной школы (1917–1958 гг.): автореф. дис. ... канд. пед. наук / Н.И. Кудирмекова. – Томск, 2006. – 23 с. EDN ZNRPNV
4. Мохов А.Н. Развитие народного образования в Хакасии / А.Н. Мохов // Учёные записки Абаканского государственного педагогического института. – Вып. 2. – Абакан, 1956. – С. 101–118.
5. Павлова А.Н. Система Н.И. Ильминского и её реализация в школьном образовании нерусских народов Востока России: автореф. дис. ... канд. ист. наук / А.Н. Павлова. – Чебоксары, 2002. – 27 с. EDN QDRLTN
6. Мамкина И.Н. Региональная власть и система образования в Якутской области в начале XX в. / И.Н. Мамкина // Известия Иркутского государственного университета. Серия: История. – 2016. – Т. 15. – С. 61–72. EDN VQANTZ
7. Санженаков И.М. Развитие просвещения и образования инородцев Горного Алтая в XIX – начале XX в.: автореф. дис. ... канд. пед. наук / И.М. Санженаков. – М., 2008. – 15 с. EDN NJHUXR
8. Свод предположений местного начальства и заключения Совещания представителей подлежащих ведомств по проекту сметы земских повинностей по Якутской области на 1915–1917 гг. – Петроград, 1915. – С. 42–48.
9. Султанбаева К.И. Развитие народного просвещения и этнокультурного образования в Саяно-Алтайском регионе во второй половине XIX – начале XX

века / К.И. Султанбаева // Проблемы современного образования. – 2018. – №6. – С. 101–111. EDN SOLOOX

10. Ултургашева О.Г. Из истории становления непрерывного национально-го образования коренных народов Саяно-Алтайского региона (1830–1930) / О.Г. Ултургашева, А.Н. Карамчаков // Вестник КемГУКИ. – 2013. – №22. – С. 66–74.

11. Юрцовский Н.С. Очерки по истории просвещения в Сибири. – Вып. 1. Общий ход развития школьного дела в Сибири 1703–1917 гг. / Н.С. Юрцовский. – Ново-Николаевск: Сибгосиздат, 1923. – 246 с.